

William
SAROYAN
1908 — 1981

Уильям
САРОЯН

***Мама,
я люблю тебя***

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 20

William Saroyan
MAMA I LOVE YOU
Copyright © 1956 by William Saroyan
All rights reserved

Перевод с английского Ростислава Германа

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

© Р. Герман (наследник), перевод, 2016
© В. Еклерис, иллюстрация на обложке,
2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-11055-7

ПРОЩАЙ, МАКАРОНИ-ЛЕЙН!

Мама Девочка вышла из ванной, одетая совсем чуть-чуть, и спросила меня:

- Сколько сейчас времени?
- Восемь.
- Без десяти?
- Нет, ровно.
- На каких?
- На всех. Восемь, и ты опоздала, но ведь ты всегда опаздываешь.

- Родить тебя я не опоздала.
- Это я не опоздала. А ты просто ждала меня.
- Я в этих вещах разбираюсь лучше, — сказала **Мама Девочка**, — и можешь мне поверить, из нас двоих не опоздала я.

- Ну и не я.

При моем рождении, вот когда мы с **Мамой Девочкой** впервые познакомились и подружились. С тех пор мы не переставали дружить, но не проходит дня, чтобы мы с ней хоть раз серьезно не поссорились. Правда, потом мы всегда миримся. Живем мы с ней вдвоем и ходим везде вдвоем, если не считать, когда что-нибудь только для больших; тогда **Мама Девочка** идет, а я остаюсь, иногда с разовой няней, а иногда с **Матушкой Виолой** — матушкой одиннадцати больших мальчиков и девочек,

которая приходит к нам по субботам и воскресеньям убираться, готовить и смотреть телевизор.

Я ждала Маму Девочку у нее в спальне, чтобы посмотреть, как она будет одеваться — потому что это она умеет. Лучших одевальщиц я не видела. Мама Девочка вся розовая, волосы у нее рыжие, и о том, как одеваться, она знает все. Сперва надо принять ванну, потом всю себя посыпать пудрой, потом покраситься, а уж потом приниматься за одевание. Когда все это сделаешь, становишься похожей на взрослую. Все это я могла бы сделать и сама, но пока я как палка и наощупь очень жесткая, а не мягкая. Маме Девочке тридцать три года, но она сердится, когда я об этом говорю.

— Мне двадцать два, и ты это знаешь, — говорит она.

— Если тебе двадцать два, — возражаю ей я, — то, значит, я еще не родилась, потому что, когда я родилась, тебе было двадцать четыре. Ты сама это говорила.

— А я тебя обманула, — отвечает на это Мама Девочка. — Просто мне не хотелось говорить тебе, что ты у меня появилась в тринадцать лет — вот и все.

— Ну и выдумщица ты! — говорю тогда я, а Мама Девочка спрашивает:

— А похожа я на женщину, которой тридцать три года? Ты ведь их много видела.

Конечно не похожа. Она вообще не похожа ни на кого, и каждую неделю она приходит из косметического салона совсем другая. Волосы у нее каждый раз другого цвета, и другого цвета лак на ногтях. А столько сортов губной помады, пудры

и всякого такого, сколько есть у Мама Девочки, нет ни у одной женщины на свете.

Мама Девочка задымила сигаретой «Парламент» и села на свою кровать, на красное вельветовое покрывало. Она посмотрела на меня, улыбнулась, сделала затяжку, потом выпустила дым, и непохоже было, чтобы она спешила.

— Ты бы поторопилась, — сказала я.

— Зачем, я и так уже на час опоздала. Доберусь не раньше чем через полчаса, так что торопиться все равно бесполезно, а уж если опаздывать, то по-настоящему.

— Понятно.

— Что Матушка Виола приготовила тебе на ужин?

— Ее нет.

— А где же она?

— Не знаю. Она еще не приходила.

— Не может быть! — воскликнула Мама Девочка. — Неужели подведет? Она ведь прекрасно знает, что я на нее рассчитываю. Сказала ведь ей, чтобы к семи была у нас обязательно. Я думала, что, пока я сидела в ванне, она пришла.

— Нет, не пришла.

— Так с кем же тогда ты разговаривала?

— С Деб.

— С девочкой миссис Шломб?

— С Деборой Шломб.

— С каких пор вы с ней разговариваете как взрослые?

— А разве мы разговариваем как взрослые?

— Да. Я думала, ты разговариваешь с Матушкой Виолой. Я должна выяснить, в чем дело, почему ее до сих пор нет.

Мама Девочка взяла трубку телефона с тридцатифутовым шнуром, набрала номер, подождала, но никто не ответил.

Она погасила окуроч в розовой пепельнице, на дне которой было написано что-то по-французски, и задумалась. Я всегда знаю, когда Мама Девочка задумывается, потому что все в ней тогда утихает и становится совсем-совсем другим.

— Что случилось, Мама Девочка?

Мама Девочка улыбнулась немножко, а потом развела руки в стороны, и я прыгнула туда, и мы обнялись, и Мама Девочка сказала:

— Мой Лягушонок, мой Одуванчик, мой Кузнечик.

И я поняла, что Маме Девочке грустно. Когда ей грустно, она всегда называет меня чем-нибудь маленьким.

Она опять подняла трубку и быстро набрала номер, а потом начала разговаривать голосом, совсем не похожим на обычный. Она спрашивала о самолетах и расписаниях на сегодня, на любое время, только обязательно на сегодня. Я поняла, что тот, с кем она говорит, сначала не знал насчет сегодня, но в конце концов все узнал. Мама Девочка на секунду положила трубку, а потом быстро набрала другой номер.

— Клара, — сказала она, — мне очень жаль, но у нас ничего не выйдет. У меня все меняется, сегодня вечером я вылетаю в Нью-Йорк. Да, сегодня вечером... Это необходимо... О, я не знаю на сколько. Может быть, на месяц, может — больше, может — меньше... Ну конечно, миссис Нижинская едет со мной...

Она послушала немного, а потом сказала:

— Не отходи, я ее спрошу.

И повернулась ко мне:

— Кларе хотелось бы, чтобы две-три недели или месяц, пока я буду в Нью-Йорке, ты жила у нее. Хочешь?

— Нет уж, спасибо, не хочу, — ответила я, — и ты это прекрасно знаешь. Зачем ты меня спрашиваешь, хочу ли я жить у Клары? Она называет меня миссис Нижинской и плутует в карты, а сама говорит, что я плутую.

— Она моя лучшая подруга.

— Не моя же, — сказала я. — Нет, поеду с тобой.

Мама Девочка сказала Кларе:

— Бесполезно, ее не уговоришь. Но все равно, с твоей стороны очень мило было пригласить ее. Когда вернусь, позвоню. До свидания.

Она положила трубку и ну носиться по комнате, вытаскивать чемоданы, кричать: сделай то, сделай это, проверь плиту, холодильник, заднюю дверь, другие двери, достань платья и зубную щетку.

Вот как случилось, что Мама Девочка и я полетели в Нью-Йорк — вместо того, чтобы Мама Девочка пошла на вечеринку, а я осталась с Матушкой Виолой.

«ЗВЕЗДА ИРЛАНДИИ»

Мама Девочка — актриса, вот почему мы полетели в Нью-Йорк. Потому что настоящий театр — только в Нью-Йорке. В самолете (это был лайнер компании «ТВА», и он назывался «Звезда Ирландии» — я сама прочла название, когда поднималась по ступенькам к дыре в бабочкином туловище, через которую люди попадают к своим местам) Мама Девочка сказала мне:

— Мне обязательно нужно получить хорошую роль в хорошей пьесе, потому что время идет и я не молодею. Сезон только начинается, и мне, чтобы получить хорошую роль, надо быть в Нью-Йорке. Последнее время я очень много занималась и теперь знаю, что я подготовлена — не как в прошлом году, когда я поехала в Нью-Йорк одна, а ты осталась дома с тетушкой Бесс на целых два месяца. Я читала и читала, но не могла получить роль, потому что не была подготовлена. Теперь — другое дело, и вот почему я беру тебя с собой, вместо того чтобы снова просить тетушку Бесс прийти пожить с тобой, потому что на этот раз у меня должно получиться и ко мне придет большой успех, а когда он придет, я куплю тебе новых платьев и всего, чего ты только захочешь, а сейчас спи.

Но я была так от всего взбудоражена, что не могла спать. Самолет все время дрожал, и слышался шум, который всегда бывает на самолетах, а по проходу между сиденьями сновали люди.

— Мои золотые рыбки! — воскликнула я. — Что теперь будет с моими золотыми рыбками?

Мама Девочка купила мне однажды у Вулворта двух маленьких золотых рыбок по тридцать пять центов каждая в двух маленьких баночках шариком, и теперь они остались одни на туалетном столике в моей спальне, с десятицентовым пакетиком корма, которым некому их кормить.

— Черт с ними, с золотыми рыбками, — сказала Мама Девочка.

— Сейчас же возьми свои слова обратно. И как только у тебя повернулся язык сказать так о Мальчике и Девочке! Ведь они почти что лучшие мои друзья, и я целый год заботилась о них!

— Какой год?! Они всего-то у тебя около месяца. Я и не думала, что они проживут так долго. Я купила их только потому, что баночки одни стоят больше, чем я заплатила за них вместе с рыбками.

— А мне все равно, почему ты их купила. Я люблю моих золотых рыбок, и ты должна взять свои слова обратно.

— Беру, — сказала Мама Девочка. — И даже дам Кларе телеграмму: попрошу ее заглядывать к нам раз в неделю и их кормить.

— Два раза в неделю.

— Хорошо, два.

— Не забудь.

— Не забуду.

— Запиши.

Если Мама Девочка не запишет чего-нибудь, она обязательно забудет это сделать, но иногда она забывает даже то, что записала. Она записывает и записывает без конца, целыми днями. И вот сейчас Мама Девочка достала из сумки блокнотик и серебряный карандаш и записала: «Телеграмма Кларе кормить рыбок».

— Что-нибудь еще? — спросила она.

— Да. Что, если у тебя не получится?

— Лучше бы ты не задавала мне таких вопросов. Надо, чтобы в этот раз обязательно получилось, а то будет поздно.

— Что будет поздно?

— Стать большой актрисой.

— А ты разве не большая?

— Большая, но у меня не было пьесы. Кое-что я делала на телевидении, но это не в счет. Глупые роли в глупых пьесах, поставленных глупыми режиссерами. Мне тошно от телевидения, и мне необходимо попасть в настоящий театр.

— Зачем?

— Чтобы стать известной.

— А разве ты не известная?

— Еще не совсем. Я красивее всех на любой вечеринке, я знакома со всеми продюсерами, режиссерами, драматургами и актерами, но никто не вскакивает при моем появлении и не заявляет, что для его пьесы необходима именно я. Никто! Я этим сыта по горло. На этот раз у меня должно получиться! Надо, чтобы ты тоже в это верила, и тогда мне повезет.

— Хорошо.

- Вот умница!
- Верю, что ты получишь самую лучшую роль на свете и будешь в десять раз знаменитее Мэрилин Монро. Тебе ведь нравится Мэрилин?
- Ну конечно. Она ужасно милая, но ты подумай только, как ей везет!
- Тебе повезет больше, чем Мэрилин Монро.
- А теперь помолись и спи. Уже за полночь.
- Я крепко-крепко зажмурилась и увидела оранжевый свет, но мне не нравился шум, который самолету нужно было все время делать, чтобы лететь.
- Вот и умница. Ты уже помолилась?
- Да, — ответила я, но не открыла глаз, потому что мне нравилось смотреть на оранжевое и на черное — оно только что появилось.
- Что ты просила?
- «Боже, сделай так, чтобы у Мама Девочки все получилось и она стала знаменитой, а я буду очень доброй к червякам».
- Но ведь ты, по-моему, и так к ним добра.
- Ну конечно. Я всегда была добра к ним.
- Но тогда почему ты говоришь, что ты будешь добра к ним?
- Ой, Мама Девочка, неужели ты не знаешь, как молятся? Я всегда прошу чего-нибудь, а потом что-нибудь обещаю.
- Да, но о каких червяках ты говоришь?
- Которые в саду. Я никогда их не давлю, а просто смотрю, как они ползают и извиваются.
- Ты спишь?
- Как бы я разговаривала с тобой, если бы я спала?
- Я хочу сказать: ты почти спишь?

- Думаю, что да.
- Тогда спокойной ночи.
- Спокойной ночи.

Но я страшно не люблю шум, который слышишь внутри самолета, и как все дрожит, и мне было совсем не так, как в своей постели, где я могу вытянуться и лежать, и мне прохладно и хорошо, и я вспоминаю разные истории. Большинство девочек не любят ведьм. Я ведьм люблю. Мне не нравятся истории, в которых нет ведьм. От них все в историях становится ужасно интересным. Деб говорит, что ведьм на свете не бывает. А я считаю, что бывают. Мы ссоримся и не разговариваем иногда по полдня, а потом Деб говорит: «Ладно, есть ведьмы». Или я говорю: «Хорошо, их нет, но какая разница? Раньше они все равно были, потому что во всех лучших историях ведьмы есть».

И тогда мы миримся.

Взаправдашняя ведьма с длинным тонким носом в бородавках и волосках посмотрела на меня и захихикала. Я испугалась, и теперь я точно знала, что ведьмы есть, и заснула.

ХЭЛЛО, «ПЬЕР»!

Из аэропорта Ла Гуардиа мы поехали на такси к «Пьеру» на Пятой авеню. В Нью-Йорке это один из самых лучших и дорогих отелей, только Мама Девочка снимает не огромный-преогромный номер за двадцать долларов в день, а малюсенький-премалюсенький за три, который богатые люди снимают для своих слуг или секретарей. Сами они спят в больших.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что я бедная, — объяснила Мама Девочка. — Никого, кроме меня, не касается, сколько я плачу за жилье.

— А я где буду спать?

— Тут, глупышка.

— А ты?

— Тоже тут.

— Ой, Мама Девочка, как я рада, что мы приехали в Нью-Йорк!

Вся комната — не больше передней нашего дома в Пасифик Пэлисейдз, но только здесь она была на двадцать первом этаже и у нее был номер 2109. При ней была миленькая ванная, а в самой комнате стояла миленькая кровать, ну и, конечно, телефон, но не розовый, а простой, черный, и с тихим звонком, а не оглушительным, как у нашего розового телефона дома.

Мама Девочка села на кровать и позвонила, чтобы ей принесли кофе, а мне — тосты и яйца всмятку. Брр! Терпеть не могу яйца всмятку и ужасно люблю кофе, но мне его пить не разрешают.

Мама Девочка напустила в ванну воды и позвала меня:

— Миссис Нижинская, идите отмокать!

— Не называй меня, пожалуйста, миссис Нижинской.

— Но ведь ты танцуешь?

— Ну и что? Так меня зовет Клара Кулбо, а она меня не переваривает, поэтому я ее не перевариваю, и я не хочу, чтобы ты звала меня так же, как она. Зови меня Маргарет Роза.

— Пусть будет Маргарет Роза, только раздевайся скорей. Я хочу, чтобы ты отмокла, позавтракала, растянулась на постели и отдохнула — ведь ты совсем не спала.

— Нет, спала!

— Ну если и спала, то плохо — так же, как и я. Почему ты хочешь, чтобы я звала тебя Маргарет Розой?

— Розой? Это значит — Розой Англии, маленькой сестренкой королевы.

— О!

— Ты королева Англии, а я твоя маленькая сестренка.

— Ох, если бы так было на самом деле!

— Но ведь так оно и есть! Мы просто притворяемся, будто мы бедные.

— В чем в чем, а уж в этом мы никак не притворяемся!

— Как стать королевой или ее сестрой?

— Становись в ванну и мойся, и — слушай, Кузнецик, тебе просто необходимо есть больше: ты вся из чурочек. С этого завтрака ты начинаешь есть — хорошо?

— Буду стараться изо всех сил.

Я залезла в ванну и стала петь и отмокать, а Мама Девочка тем временем обзванивала знакомых. С некоторыми она смеялась, вскрикивала, звала по имени, но с другими говорила так, будто это не она, а кто-то другой. Я услышала, как официант вкатил в комнату столик и ушел, а потом Мама Девочка вошла ко мне в ванную, я вылезла, она меня вытерла, и я надела халатик и села за стол. Оба яйца (одно коричневатое, а другое белое) Мама Девочка очистила от скорлупы, положила на них по кусочку масла, масло начало таять, и она мне сказала:

— Хочу, чтобы с сегодняшнего дня ты стала обжорой — съешь, пожалуйста, все, что только есть на столе, и побыстрее.

— Скорлупу, тарелки, ножи, ложки и вилки — тоже?

— Тоже.

— А салфетки?

— Тоже.

— А стаканы?

— Все значит все, и мне совсем не до шуток. На молодую мать очень косятся, если ее дочь не похожа на пряничную куклу.

— Не хочу быть похожей на пряничную куклу!

— На молодую мать, у которой нет на свете никого, кроме маленькой дочери, смотрят очень косо.

- У тебя есть Папа Мальчик.
- Нет, Лягушонок, это у тебя есть Папа Мальчик. У меня — нет. Мы с ним развелись.
- Но ведь Папа Мальчик не умер, и пока он не умер, он есть у меня и есть у тебя.
- Боюсь, что нет. А потом, он ведь в Париже и думает пожить там некоторое время.
- Он присылает деньги.
- Да, когда ему удастся их заработать.
- И у тебя есть мой брат Пит.
- Нет, твой брат у твоего отца.
- Почему мой отец увез моего брата в Париж?
- Ты ведь прекрасно знаешь, что год тому назад мы все сошлись на том, что твой отец возьмет к себе Пита, если Пит захочет (и он захотел), а ты останешься со мной, если ты захочешь, — и ты захотела.
- Но я хочу быть и с моим отцом.
- Ешь яйца.
- Нет, правда, Мама Девочка, я хочу быть с ним и с моим братом Питером Боливия Сельское Хозяйство и хочу, чтобы и ты была с нами.
- Я здесь, ты здесь, а твой отец и Пит — в Париже, и на этом конец.
- Почему?
- Знаешь, у меня и так голова трещит от забот, и я не намерена объяснять тебе в сто первый раз, что твой отец и твоя мать разведены. Когда мужчина и женщина разведены... в общем, это значит, что вместе они больше не живут.
- Я знаю, что ты больше всех на свете любишь папу, и ты это тоже знаешь.

— Может быть — но и нет никого на свете, кого бы я так ненавидела.

— Неправда, ты его любишь!

— Ненавижу.

— И он тебя любит.

— И он меня ненавидит.

— Как можете вы сразу любить и ненавидеть друг друга?

— Для нас это просто.

— Я люблю моего отца и люблю тебя.

— А кого ты ненавидишь?

— Пита.

— Питера Боливия Сельское Хозяйство?

— Да, Питера Боливия Сельское Хозяйство.

— Сама ведь знаешь, что любишь его.

— Ненавижу.

— Тогда ты должна понимать меня и своего отца.

Теперь так: этот тост — до последней крошки, а какао — до последней капли!

— Позвони моему отцу и скажи, чтобы они оба сюда приехали.

— Сюда?

— Да, прямо сюда. В эту комнату. В номер две тысячи сто девятый отеля «Пьер». Мы будем жить здесь все до самой смерти.

— Вчетвером в этой комнате? Нас уже через час в живых не будет. Когда ты была маленькой, мы вчетвером прожили шесть месяцев в доме из двадцати комнат в Ойстер-Бей, и это нас чуть не убило.

— Что нас чуть не убило?

— Жизнь в одном доме, одной семьей.

— Почему? Разве трудно жить одной семьей?

— Для меня и твоего отца — трудно. Думаю, что и для всех трудно — но, может, я ошибаюсь. Я су-
жу по тому, что вижу вокруг. Возьми, к примеру,
мою лучшую подругу Клару Кулбо. Она прожила
двадцать лет в одном доме с мужем и тремя детьми,
и ты посмотри только, что с ними стало.

— А что?

— Неживые они, вот что. Встают по утрам, едят
и двигаются, но они как мертвые. Вот тебе семья.

Вдруг зазвонил телефон, и из-за этого я не смо-
гла попросить Маму Девочку, чтобы она толком
объяснила мне про семью. Нужно было ждать.

— Глэдис! — завизжала в трубку Мама Девоч-
ка. — Слушай: теперь или никогда. Должна же я на-
конец когда-нибудь начать в театре! Вчера я чуть
было не отправилась на очередное собрание, как
вдруг решила: пропади они пропадом, эти собрания,
раз и навсегда. Не хочу я всю жизнь быть хорошень-
кой девушкой на вечеринках. Это меня не греет —
вот и все. Поэтому я прилетела сюда и через час
встречаюсь с Майком Макклэтчи.

Мама Девочка говорила и говорила, и пила ко-
фе, и курила сигарету за сигаретой, потому что Глэ-
дис — это Глэдис Дюбарри, а вы ведь знаете, кто это:
одна из самых богатых девушек в мире, вот кто, и
лучший друг Мама Девочки, лучший даже, чем
Клара, потому что Глэдис и Мама Девочка дружи-
ли еще тогда, когда были маленькими девочками
и обе были несчастные.

Они проговорили долго, а потом Мама Девочка
быстро разделась и влезла в ванну, а потом вылезла
и оделась. Она выкатила столик в коридор и уло-
жила меня в постель, и дала мне книгу «Однажды

рано утром», почти без картинок, про великих людей, когда они были маленькие, и сказала:

— Я иду на ланч с мистером Макклэтчи, а ты читай, отдыхай и спи. Я опаздываю, но к половине третьего, вероятно, буду там, а к половине пятого вернусь, и тогда мы решим, что делать вечером. Договорились?

— Договорились. Кто такой мистер Макклэтчи?

— Он ставит пьесы. Года два назад мы познакомились с ним на вечеринке, и подумай только, он меня не забыл!

— Разве можно тебя забыть, Мама Девочка?

— Я рассказала ему, что приехала в Нью-Йорк устроиться в театр, и он сказал: «Правильно сделали. Приходите на ланч, и мы потолкуем о ваших делах». Держи пальцы накрест, Лягушонок.

— Обязательно. Желаю удачи, Мама Девочка.

Мама Девочка облизала мне все лицо, а потом ушла, и я раскрыла книгу. Там была картинка: мальчик держит раковину около уха, и мне захотелось тоже достать такую раковину и послушать ее — прямо сейчас. Но взять ее было негде, а потом раздался телефонный звонок. Это был мистер Макклэтчи. Он сказал, что, к большому своему сожалению, не мог еще выехать с работы и поэтому запоздает на ланч. Я объяснила ему, что все в порядке, моя мама тоже опаздывает. Он спросил, сколько мне лет, а потом сказал:

— Знаете, молодая леди, мне нравится ваш голосок. Хотите быть актрисой?

— Нет, благодарю вас, — ответила я. — Но моя мама — хочет.

— Знаю, но мне нужна маленькая девочка с приятным голосом.

— У моей мамы очень приятный голос.

— Конечно, конечно, но твоей маме не девять лет, как тебе и девочке в пьесе. Подумай об этом, хорошо?

— Подумаю.

Ну уж нет! Разве мне с этим справиться?

ОДНАЖДЫ РАНО УТРОМ

Я стала читать в книге стихи, но не могла понять ни слова и принялась просто рассматривать раскрытые страницы как картинку, а потом закрыла книгу, положила ее на пол, залезла под одеяло и уснула.

Мне приснилось, что мама собирается на вечеринку и вдруг передумывает и решает вместо этого ехать в Нью-Йорк, и берет меня с собой. Мне приснилось, что мы сели на «Звезду Ирландии» и полетели в Нью-Йорк, там взяли такси до «Пьера» и поселились в номере 2109, и начали мыться, есть и обзванивать знакомых — все точно так, как было на самом деле, только теперь мне все это снилось.

Скоро сон кончился, а самолет все шумел и трясся, и мне хотелось, чтоб он скорее сел — но он не садился. Так без конца я и летала на самолете, брала такси и попадала в 2109-й номер, пока не услышала, как повернулся ключ в замке, и не проснулась совсем. Пришла Мама Девочка.

— В чем дело, Лягушонок? Ты вся красная, и от тебя пышет жаром!

Она кинулась ко мне и приложила руку к моему лбу, метнулась в ванную и вернулась оттуда с градусником, сунула его мне в рот, бросилась к телефону и спросила кого-то о враче, а потом стала

говорить с самим врачом, а потом вынула градусник у меня изо рта, посмотрела и сказала врачу:

— Сто три.

Потом поговорила еще немножко, положила трубку, подошла, села и взяла мои руки в свои, и я сказала:

— Ой, Мама Девочка, я совсем не больная.

— Нет, ты больная, — сказала Мама Девочка. — Но врач скоро придет и вылечит тебя.

— Я не больная, просто я никак не могу остановить самолет: он все шумит и шумит.

— Где?

— У меня в ушах. Я знаю, что я здесь, а не на самолете, но он все равно не перестает.

— Врач даст тебе лекарство. Я откажусь от всех своих планов на сегодняшний вечер и буду сидеть около тебя.

— Нет, мама, я не хочу, чтобы ты отказывалась от своих планов!

— Ну, знаешь ли, меня не интересует, что ты там хочешь. Я так решила, и так будет. А теперь ложись, отдыхай и ни о чем не думай.

Телефон зазвонил, и это опять была Глэдис Дюбарри. Мама Девочка стала рассказывать ей про обед с мистером Макклэтчи:

— Роли для меня у него нет, но он хочет познакомиться с Кузнечиком. Ему понравился ее голос, и он хочет посмотреть, не подойдет ли она на роль маленькой девочки из этой пьесы, но... не знаю. Я прилетела сюда, чтобы самой пробиться на сцену, а не устраивать туда свою дочь. Я ужасно не люблю детей на сцене. А кроме того, у нее температура,

сто три, но она считает себя здоровой. Знаешь, какие они — все умеют лучше, чем взрослые, даже болеть... Что ты, тебе совсем не нужно присылать своего врача, я уже вызвала... Ну конечно, лучше твоего нет, но нет необходимости присылать его...

— Пусть пришлет, — сказала я. — Хочу увидеть врача Глэдис Дюбарри.

— Говорит, что хочет видеть твоего врача, — сказала в трубку Мама Девочка, — но послушай меня, Глэдис: это всего-навсего небольшая температура, а так у нее все в порядке, поверь мне, и я не хочу беспокоить людей по пустякам... Разумеется, рисковать я не собираюсь, но я твердо уверена, что ничего серьезного нет... Но почему обязательно полиомиелит?.. Знаешь что, сейчас я хочу, чтобы она отдохнула. После врача я тебе позвоню.

— Полиомиелит? — спросила я. — Ой, Мама Девочка, так я, наверное, умру?

— Должна сказать тебе, что Глэдис Дюбарри очень любит придумывать всякие страхи. Придумывает их всю жизнь, делала это, когда была еще совсем маленькая. Никакого полиомиелита у тебя нет, и ты не умрешь. Это у Глэдис полиоболтунит. Всегда строит из себя богатую девицу с широкой натурой, и это ужасно скучно. Ее врач! Как будто он лучший в мире только оттого, что дает ей успокаивающее, когда она в истерике — а она в ней всегда. А сейчас отдыхай и совершенно позабудь о том, что ты больная.

— Я не больная. Это ты говоришь, что я больная.

— Самолет шумит все так же?

— Чуть меньше.

— Когда перестанет, буду знать, что ты выздоровела.

— Как нам остановить его?

— Доктор даст лекарство, чтобы ты заснула, и во сне он приземлится.

Доктор оказался маленьким старичком с маленькой улыбочкой и маленькими руками. Он взглянул на меня — и улыбнулся, и стал со мной разговаривать, а потом поговорил с Мамою Девочкой и сказал:

— Она переутомлена и взвинчена.

— Но разве вы не проверите ее температуру?

— В этом нет необходимости, — ответил доктор, — но давайте смерим. Думаю, что она у нее немного упала.

Температура оказалась сто один, так что какие они ни есть, а два из них я потеряла.

— Все время слышит самолет, — пожаловалась Мама Девочка.

— Понятно, — сказал доктор. — Что ж, дайте ей полтаблетки аспирина сейчас и другую половину немного позже.

— Полтаблетки аспирина — и все?

— Она ведь только устала и перевозбудилась.

— Но я думала, вы дадите ей успокаивающее.

— Полтаблетки аспирина — это уже успокаивающее. Она очень крепкая девочка — сплошь кости, мышцы и энергия.

— Она не ест.

— Что ж, это и вправду скучное занятие.

— О, пожалуйста, не говорите так при ней! — воскликнула Мама Девочка. — Теперь мне будет ужасно трудно заставить ее есть.

— Забудьте об этом, дорогая моя, — сказал доктор. Серьезно. — Она очень крепкая девчушка. Ей уже много лучше, хотя бы оттого, что сейчас она слушает нас, а не самолет. Почему бы вам не попросить у администрации приемник, чтобы она послушала какую-нибудь тихую музыку, или, еще лучше, почему бы вам самой не спеть ей?

— Мне самой?

— Ну конечно. Негромко. Тогда она перестанет слышать самолет.

— Больше ничего не нужно?

— Хорошо бы ей заснуть. Попросите телефонистку никого не соединять с вами. Тихонько пойте, пока она будет спать, а когда проснется, снова смерьте температуру. Если нормальная, оденьте ее и сходите с ней прогуляться в парк. Ваша комната слишком тесная и узкая и напоминает ей салон самолета.

— Что ей петь? Я знаю очень мало детских песенок.

— О, не обязательно детские, — сказал доктор.

Он разломил аспиринку надвое и половину положил мне в рот. Мама Девочка дала мне запить. Я проглотила, и доктор погладил мое лицо своими маленькими ручками, и улыбнулся, и сказал:

— Баю-баюшки-баю.

Не спел, просто сказал и еще добавил:

— У меня часто бывает желание, чтобы кто-нибудь попел мне.

Мама Девочка посмотрела на него так, будто он сказал что-то очень странное, а потом открыла сумочку и достала оттуда кошелек.

— Сколько я вам должна, доктор?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Прощай, Макарони-лейн!	5
«Звезда Ирландии»	10
Хэлло, «Пьер»!	15
Однажды рано утром	23
Вдвоем	29
Розыски	35
Нью-Йорк, Нью-Йорк	41
Сумасшедший колибри	50
О голуби, о люди, о маленький мальчик	55
Ресторан-автомат	61
Викторина	72
Земляника со сливками, отбивные из барашка и кресс-салат	79
Все о маленькой девочке	86
Львы и тигры на газоне	92
Разговор по душам с доктором Спрэнгом	101
Что ты делаешь в Париже?	106
Глэдис Дюбарри	117
Леди и джентльмены прессы	135
Новый вариант	141
Сценический страх	148
Глэдис Дюбарри — невеста	156
Воспоминания о Калифорнии и развлечения на Кони-Айленде	168

Невеселый брак	179
Актеры, за работу!	192
В церкви и на стадионе	202
Деньги	211
Премьера в Филадельфии	228
Заботы и тревоги	237
«Скачущий мяч» в Бостоне	246
Большая игра	260
Успех, неуспех — да не все ли равно?	271

Сароян У.

С 20 Мама, я люблю тебя : роман / Уильям Сароян ; пер. с англ. Р. Германа. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 288 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-11055-7

«Грустное и солнечное» творчество американского писателя Уильяма Сарояна, чье имя стоит в одном ряду с такими титанами мировой литературы, как Фолкнер, Стейнбек, Хемингуэй, хорошо известно русским читателям. Среди многочисленных его произведений роман «Мама, я люблю тебя» занимает особое место. Мудрость детства — основа сюжета этой замечательной книги. Перед ее читателем открывается мир, увиденный глазами девятилетней девочки. Это мир важных решений, странных вопросов, смешных имен и в первую очередь особое место, в котором есть мама, не похожая ни на кого на свете.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

УИЛЬЯМ САРОЯН
МАМА, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректор Лариса Ершова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.05.2016. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 12,69. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YVAK1908501R